

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.23>

Мухамеджанова Нурия Мансуровна

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

В статье исследуется роль маргиналов в социокультурной динамике. Автор доказывает, что маргинализация, минимальная в традиционном обществе и возрастающая в переходные периоды истории, может способствовать как восходящей, так и нисходящей динамике общества. С одной стороны, маргинализация обеспечивает вариативность и обновление культуры. С другой - становится фактором дестабилизации, когда социальные группы, ограниченные в возможности реализовать себя при помощи общепринятых способов, вынуждены создавать новые механизмы своей самореализации, в том числе незаконные.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/23.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 294-297. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 304.2

Дата поступления рукописи: 24.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.23>

В статье исследуется роль маргиналов в социокультурной динамике. Автор доказывает, что маргинализация, минимальная в традиционном обществе и возрастающая в переходные периоды истории, может способствовать как восходящей, так и нисходящей динамике общества. С одной стороны, маргинализация обеспечивает вариативность и обновление культуры. С другой – становится фактором дестабилизации, когда социальные группы, ограниченные в возможности реализовать себя при помощи общепринятых способов, вынуждены создавать новые механизмы своей самореализации, в том числе незаконные.

Ключевые слова и фразы: маргинализация; социокультурная динамика; традиционное общество; старообрядчество; модернизация; интеллигенция; качественное образование; самореализация.

Мухамеджанова Нурия Мансуровна, д. культурологии, доцент
Оренбургский государственный университет
nuriyam@yandex.ru

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Современная Россия переживает болезненный процесс трансформации социальной структуры, сопровождающийся маргинализацией классов, групп, слоев. Негативные последствия данных процессов не раз становились предметом социокультурных исследований, традиционно подчеркивающих деструктивную роль маргиналов в развитии общества. Понятие «маргинальность» в таком случае приобретает сугубо негативный смысл, ассоциируясь с беспочвенностью, социокультурной ущербностью, неполноценностью индивида или социальной группы. Целью же данной работы является обоснование позитивной роли маргиналов в социокультурной динамике: в переходные периоды истории именно маргинальные группы зачастую оказываются носителями инновационной активности, «точками роста» новых социокультурных, хозяйственных, экономических практик, не востребованных при стабильном состоянии общества.

Маргинальность – это пограничное положение индивидов и групп, оказавшихся в силу самых разных обстоятельств на границе разных культур, групп, состояний. Именно в этом смысле используются в современных исследованиях такие понятия, как этнокультурная маргинальность, социокультурная маргинальность, средовая маргинальность, цивилизационная маргинальность [11] и т.п. По утверждению О. А. Сергеевой, этномаргинальная личность находится «на условной границе между двумя или более этносами, ни в одном из которых она не признается полностью своей. Соответственно, к этномаргинальной группе или слою относятся люди, чья социализация прошла в рамках двух культур, двух систем ценностей, двух стереотипов поведения, – словом, все те, кто является носителем различных ценностно-культурных стереотипов поведения. Маргинальная группа, как и маргинальная личность, находясь на стыке двух культур, имеет идентификацию с каждой из них и одновременно утверждает собственную систему норм и ценностей» [13, с. 105].

Таким образом, маргинал – это личность с противоречивой, «расколотой» идентичностью, находящаяся в двух культурах одновременно и придерживающаяся установок и принципов, которые зачастую противостоят друг другу. Маргинальность может иметь как негативный, так и позитивный смысл, способствуя восходящей или нисходящей динамике общества. Маргинальная личность менее запрограммирована общей нормативностью культуры, в силу чего она в большей степени склонна к инновационной, творческой деятельности, что позволяет ей стать как источником социокультурной динамики, так и фактором дестабилизации общества. Так, многие известные представители науки, культуры, искусства по своему происхождению были этнокультурными маргиналами: О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм, В. Парето, С. Рушди и др. [Там же, с. 246].

Как считает А. Я. Флиер, главной движущей силой трагических событий мировой истории, приведшей к власти своих ставленников (якобинцев, большевиков, нацистов), были именно социальные маргиналы: «Их формы борьбы за социальные блага – преступность и революция» [14, с. 184]. Один из основателей Франкфуртской школы Г. Маркузе именно на маргиналов возлагает надежды, связанные с возможностью революционного преобразования современного общества. Только эта «прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветов кожи, безработных и нетрудоспособных» [9, с. 336] может стать катализатором социальных перемен и смены системы ценностей, поскольку традиционные пути и средства протеста в «одномерном обществе» становятся неэффективными. Историческая миссия рабочего класса, о которой писал К. Маркс, исчерпана, и только маргиналы, находящиеся за бортом современного демократического общества, могут стать революционной силой, способной изменить мир.

Маргиналы выступают катализаторами социального развития, обеспечивая его вариативность, разнообразие, динамику. «Маргинализация предопределяет многовариантность развития общества и делает его менее детерминированным и предсказуемым. Одновременно возрастает роль случайности, становящейся важным фактором исторического развития» [13, с. 113]. На языке синергетики маргинализация – это хаотизация общества и культуры, связанная с поиском новых вариантов структурирования социальной системы, новой парадигмы развития, нового принципа социокультурной идентификации.

В традиционном обществе роль маргиналов минимальна, так как традиционное общество в течение многих веков своего существования выработало достаточно эффективные, надежные механизмы обеспечения социального равновесия и порядка, в том числе механизмы своей защиты от маргинализации. Одним из таких механизмов является жесткая социальная структура общества и социальный контроль. Традиционное общество –

это иерархизированная система социальных групп (сословий, каст и т.п.), обладающих наследственным социальным статусом, специфическими правами, обязанностями и социальными функциями, специфическим самосознанием, образом жизни, культурой, менталитетом и даже своими особыми внешними признаками. Одежда, прическа, экипаж, украшения и т.п. – все эти вещи в традиционном обществе жестко регламентируются, служба, прежде всего, знаками социальной принадлежности человека. Так, в Древнем Китае даже цвет халата представителей разных социальных групп различался в зависимости от социального статуса и профессиональных занятий его владельца. В России также, начиная с эпохи Петра I, регламентация проникает в повседневную жизнь человека, предписывая, что одежда, ливрея, экипаж и даже стоимость ткани, используемой для пошива платья, должны соответствовать чину человека, определяемому Табелем о рангах [8, с. 421-422]. Закономерно, что такая герметичность, замкнутость социальных групп общества делала всякую социальную мобильность если не невозможной, то во всяком случае минимальной. Минимальной была и маргинализация общества.

Сказанное не означает, что в таком обществе отсутствовали какие-либо внесистемные элементы. Однако возникали они по иным причинам, например в результате внутренних процессов, связанных с реакцией определенной части общества на действия власти, вступающие в противоречие с устоявшейся сакральной традицией. В качестве таких маргинальных групп могли выступать религиозные меньшинства, притесняемые властью и ограниченные в своих возможностях, в силу чего вынужденные искать самореализации в непрестижных сферах деятельности, отвергаемых большинством. Такими маргиналами оказывались повсеместно еврейские диаспоры, протестанты в католических странах, сикхи в Индии, индусы в Южной Африке [4, с. 69], духоборы и молокане в России [3, с. 203-207].

Одной из таких маргинальных групп в российском обществе была группа старообрядцев, возникшая в XVII веке как реакция на церковную реформу патриарха Никона и подвергавшаяся репрессиям, притеснениям со стороны власти и церкви вплоть до 1905 года. Необходимость выживания во враждебной среде определила такие качества старообрядческих общин, как солидарность, сплоченность, взаимоподдержка, высокий протестный потенциал. А дискриминация, ущемление в правах, ограничения на определенные виды деятельности, побуждали их занять те ниши в социально-экономической жизни, которые в традиционном обществе не имели престижа или вовсе считались недостойными для истинного христианина, например занятия предпринимательской деятельностью: «В результате торговля, лишенная ранее необходимой религиозной санкции, была признана духовными лидерами староверия благодатным занятием, а организационно-хозяйственный труд уравнивается с благим трудом земледельца» [12, с. 106].

После издания Указа о веротерпимости 1905 года старообрядцы активно включаются в социальную и политическую жизнь России. Порвав с негативным отношением к предпринимательству, характерным для России, «ревнители древнего благочестия» заняли в экономической жизни страны одно из ведущих мест, создав так называемый «купецко-крестьянский капитализм» [Там же, с. 149]. Существуют исторические данные, свидетельствующие о том, что перед революцией 64% торгового капитала в России принадлежало старообрядческим общинам [2, с. 256]. Социальная активность, свободолюбие, благотворительность, традиции самоорганизации и самоуправления, технически и социально новаторские проекты в экономике, принципиальный антиэтатизм – все эти черты, отмечаемые у старообрядцев, стали результатом трагического опыта трехсотлетнего противостояния репрессивному государственному аппарату.

В современной литературе существует точка зрения, согласно которой старообрядчество по его роли в хозяйственной жизни в дореволюционной России представляет собой некий аналог протестантизма [3; 4]. Однако если возникновение протестантизма стало результатом реформации Католической церкви, то старообрядчество можно трактовать как контрреформацию, которая оказалась более удачной, эффективной по своим последствиям, чем сама реформа Никона [2, с. 249]. Кроме того, оно порождало не «дух капитализма», как это было на Западе, а скорее «дух социализма», ориентированного на создание «социально-ориентированного хозяйства» [12, с. 152]. Идеи всеобщего равенства, справедливости, совместного владения собственностью, солидарность, общинно-коллективистские отношения, присущие старообрядцам, оказались более близки по своему духу социалистическим идеям, а модель общественного устройства, в основу которой могли быть положены эти идеи, наиболее соответствовала традиционным основам российского общества начала XX века. Возможно, эти идеи и стали одним из главных факторов активного участия староверов в революции, в которой соединилась идея построения коммунизма в одной стране и вера народных масс в возможность «царства божия на земле», которая была сутью психологии старообрядчества [Там же, с. 531].

Маргинализация резко возрастает в нестабильные, переходные периоды развития общества, в частности в период модернизации, которая ломает жесткие социальные перегородки, ведет к смешению групп, культур, состояний, к трансформации социальной структуры, а также форм и методов социального контроля. Разрушение механизмов обеспечения социального порядка, характерных для традиционного общества, становится мощным фактором маргинализации общества. Маргинализация порождает, с одной стороны, всплеск преступности, рост нравственной распущенности, аморализм всех слоев общества. Как свидетельствуют исторические источники, именно в эпоху реформ резко возрастает число преступлений в российском обществе. Так, в петровской Руси небывалое распространение получают разбойничьи шайки, которые грабят города, уничтожают многолюдные села и т.п. [6, с. 528]; в эпоху Великих реформ Александра II преступность возросла в 2,7 раза, а в эпоху Николая II выросла на 55% в сравнении с предшествующим периодом истории [10, т. 2, с. 84]. Одновременно растет нравственная распущенность, алкоголизм, проституция и другие социальные пороки маргинализованного общества [7, с. 87-102]. Но, с другой стороны, именно процесс маргинализации общества порождает такие социокультурные феномены, аналогов которым нет в европейских культурах.

Одной из таких маргинальных групп в российском обществе стала интеллигенция. Маргинальной данную социокультурную группу мы называем потому, что, во-первых, она формировалась из разных групп и слоев российского общества: духовенства, рабочих, дворянства и т.д., как категория населения она не имела государственного статуса, т.е. была маргинальной уже по своему происхождению. Во-вторых, с самого начала своего возникновения она сформировалась как «раскольничий тип» [1, с. 262], противопоставлявший себя государству и власти. В этом состоит главное отличие русской интеллигенции от подобных групп в других обществах, например в китайском. Так, в Китае интеллигенция была включена в систему официальной власти благодаря специфическому механизму отбора. Чиновником здесь мог стать любой человек, выдержавший экзаменационные испытания. Экзамены устраивались для самых способных учеников, носили многоступенчатый характер и позволяли наиболее образованным и одаренным занять в структуре власти достаточно высокое место на основе вполне объективных критериев и в соответствии с культурной традицией. Так формировалась китайская меритократия (власть лучших). Образование давало человеку социальный престиж, статус, материальный доход, и поэтому интеллигенция не находилась в оппозиции к государственной власти.

В России же интеллигенция не была включена в систему власти, находилась в оппозиции к ней и всегда играла дестабилизирующую роль в процессах социокультурной динамики. Именно противоречие между высоким образовательным и культурным уровнями данной социальной группы и возможностями ее самореализации в российском обществе порождало социальную неудовлетворенность, склонность к самым радикальным проявлениям своей социальной активности.

Примечателен тот факт, что на рубеже веков значительную часть радикально настроенной интеллигенции в России составляли дети представителей духовенства – бывшие семинаристы: «Своего пика приток поповичей в революционную среду достиг в 1870-е гг.: 22% народников 1870-х гг. были выходцами из духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0,9%. Но и впоследствии вклад духовенства в революционное движение был значителен» [10, т. 1, с. 107]. Причину революционности поповичей Н. А. Бердяев объясняет следующим образом: «Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получили формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи второй половины 50-х годов и начала 60-х годов назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы стали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться по-русски, т.е. экстремистски, нигилистически» [1, с. 283].

Таким образом, интеллигенция в России практически никогда не была задействована в институциональных структурах, обладала низким социальным статусом и низким доходом. Невозможность реализовать себя в обществе при помощи общепринятых механизмов, приводит к тому, что она стремится выработать новые способы и механизмы своей самореализации, что и становится часто фактором дестабилизации общества. Такие маргинальные группы в переломные эпохи становятся катализаторами социокультурных перемен, носителями контркультурных тенденций, лидерами политических и ценностных революций.

Современное общество невозможно без маргиналов. Миграции населения, переезды людей из страны в страну, из сел в города – это признаки динамической природы современного общества. Однако, чтобы маргинальность не становилась фактором дестабилизации общества, последнее должно создать такие условия, при которых его (этого общества) члены были бы заинтересованы в достижении социальной конкурентоспособности, а значит, в получении качественного образования, в постоянном саморазвитии; иначе говоря, чтобы высокообразованный член данного общества был не беднее тех, кто не обладает подобными качествами, но тем не менее преуспел на «празднике жизни».

Таким образом, качественное образование, способность продуцировать новые идеи, творчески решать возникающие в процессе трудовой деятельности проблемы должны стать главным фактором социальной успешности человека, а значит, и общественной стратификации, и социального расслоения. Следует отметить, что данное требование соответствует и набирающим силу тенденциям постиндустриальной эпохи [5].

Кроме того, общество должно создать новые соответствующие сложности современной социокультурной ситуации, механизмы интеграции подобных внесистемных элементов, предоставив им возможность самореализации в политической, экономической, культурной и других сферах; не превращать маргинальные элементы в изгоев общества и опасных мучеников, а включать в сферу публичного обсуждения и межкультурного диалога, что позволит «гасить» протестные настроения и находить приемлемые способы адаптации маргиналов к современным гражданским практикам.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н. А. Сочинения. М.: Раритет, 1994. С. 245-412.
2. Воронцова Л., Филатов С. Старообрядчество: в поисках потерянного града Китежа // Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М. – СПб.: Летний сад, 2002. С. 247-267.
3. Горин Д. Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. М.: Едиториал УРСС, 2003. 280 с.
4. Зарубина Н. Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе: учебное пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 392 с.
5. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М.: Academia; Наука, 1999. 724 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 831 с.
7. Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: Айрис-пресс, 2005. 448 с.
8. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 417-425.

9. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.
11. Мухамеджанова Н. М. Россия как маргинальная цивилизация // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 7. С. 4-8.
12. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2016. 536 с.
13. Сергеева О. А. Особенности современных цивилизационных процессов. М.: МАТИ – РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2002. 267 с.
14. Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 181-187. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/576/426/1218/017Flier.pdf> (дата обращения: 14.09.2018).

MARGINALITY AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS

Mukhamedzhanova Nuriya Mansurovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Orenburg State University
nuriyam@yandex.ru

The article studies marginals' role in socio-cultural dynamics. The author argues that marginalization, minimal in the traditional society and increasing in the transitional periods of history, can contribute to both the upward and downward dynamics of the society. On the one hand, marginalization provides for variability and renewal of culture. On the other hand, it becomes a factor of destabilization, when social groups that are limited in their ability to realize themselves using conventional methods are forced to create new mechanisms for their self-realization, including illegal ones.

Key words and phrases: marginalization; socio-cultural dynamics; traditional society; Old Belief; modernization; intelligentsia; quality education; self-realization.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 29.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.24>

В современном обществе происходит демографический переход, связанный со старением населения, и дизайн, прежде всегда ориентированный на молодую аудиторию, сегодня вынужден менять методы проектирования. В дизайне не существует опыта проектирования геронтологической среды. В таких условиях данные, необходимые дизайнерам для того, чтобы формировать среду, отвечающую коллективным представлениям возрастной аудитории, могут предоставить социологические исследования. Однако в настоящее время не существует отработанной технологии перевода данных социологии на язык дизайна. Исследование посвящено поиску соответствующей стратегии.

Ключевые слова и фразы: цвет; среда; интерьер; дизайн; мудборд; ассоциации; знак; геронтологическая реальность; индекс; символ.

Панкратова Александра Владимировна, к. филос. н., доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва
sashaoscar@mail.ru

Грибер Юлия Александровна, д. культурологии, доцент
Смоленский государственный университет
y.griber@gmail.com

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СТРАТЕГИИ ВОЗМОЖНОГО ПЕРЕВОДА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЯЗЫК ДИЗАЙНА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-411-670002 «Социокультурная специфика цветовой коммуникации в пожилом и старческом возрасте».

1. Введение

Актуальность темы исследования. Демографический переход, вызванный увеличением продолжительности жизни людей, и связанное с этим старение населения приводят к новым социальным проблемам. Наиболее острой является формирование особого, до этого не существовавшего образа жизни, признаки которого обусловлены биологическими, психологическими и социальными особенностями пожилых людей. Эта новая повседневность, «геронтологическая реальность» [15, р. 184], нуждается в актуальных эмпирических данных, которые позволят определить ее специфику и разработать механизмы ее использования в самых разных социокультурных практиках – от сферы оказания услуг до маркетинговых технологий.

Разрастание геронтологической реальности остро ставит вопрос о несоответствии предметно-пространственной среды новому социальному запросу общества. Предметно-пространственная среда, мир вещей, который сложился к началу XXI в., целенаправленно формировался на протяжении последних ста лет усилиями дизайнеров с ориентацией на молодую аудиторию.